ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ БЕРГЪ.

† 6-го января 1875 г.

I.

У человѣка, многое испытавшаго и видѣвшаго, но по той или другой причинѣ оставившаго оффиціальную дѣятельность, невольно рождается мысль, что подѣлившись своими воспоминаніями, онъ, быть можетъ, принесетъ пользу [1]). Однимъ онѣ послужатъ предостереженіемъ, другимъ дадутъ матеріалъ для разработки той или другой эпохи, для болѣе вѣрной оцѣнки той или другой личности. Подобныя воспоминанія очевидцевъ могутъ быть полезны и для историческаго труда, если онѣ касаются такихъ дѣятелей, общественное и служебное положеніе которыхъ возбуждало въ свое время общее вниманіе. Къ числу подобныхъ дѣятелей принадлежитъ покойный намѣстникъ Царства Польскаго, генералъ-фельдмаршалъ, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ.

Едва ли кому извѣстно начало служебной его карьеры, съ тѣми подробностями, какія намъ удалось слышать отъ него лично, тогда же дословно нами записанныя.

---

[1]) Въ помѣщенной въ декабрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1882 г. статьѣ: „Событія въ Варшавѣ въ 1860 и 1861 годахъ“, оказались слѣдующія описки: 1) Первые казненные въ Варшавѣ назывались: Жарскій и Кощишевскій, а не Нарскій и Котильшевскій. 2) На стр. 541 слѣдуетъ читать Килинскій, а не Калинскій. 3) На стр. 545, статсъ-секретаремъ по дѣламъ Царства Польскаго былъ Тымовскій, а не Тымковскій и 4) на страницѣ 569 Савицкій названъ Савинымъ. Кромѣ того, при просмотрѣ г. П*** статьи П. П. Карцова, замѣчены нѣкоторыя неточности, не измѣняющія впрочемъ смысла и содержанія изложеннаго въ статьѣ.

Вотъ что разсказалъ о себѣ гр. Ѳ. Ѳ. Бергъ:

— «Передъ отечественною войною 1812-го года я былъ на старшемъ курсѣ въ Дерптскомъ университетѣ. Заслышавъ о намѣреніи Наполеона поработить Россію, всѣми нами овладѣлъ воинственный духъ, а потому бо̀льшая часть старшихъ студентовъ оставила университетъ, съ цѣлью поступить въ военную службу. Помню, что съ этимъ намѣреніемъ, вмѣстѣ со мною, отправились въ Ковно человѣкъ десять. Тамъ мы узнали, что армія стягивается къ Вильнѣ, куда ожидали прибытія Барклай-де-Толли, а затѣмъ и Государя. Тѣ, которые были побо̀гаче, отправились въ Петербургъ, для поступленія въ гвардію, я же стремился въ авангардъ, и на послѣдніе гроши, кое какъ, въ жидовскомъ фургонѣ, дотащился до Вильны. Тамъ, распрашивая офицеровъ, которыхъ безцеремонно останавливалъ на улицѣ, я узналъ, что начальникомъ авангарда назначенъ Эссенъ, старинный и близкій знакомый моихъ родителей, и что главная квартира находится въ Слонимѣ. Нанять подводу было не на что; и вотъ я, съ котомкою за плечами, а мѣстами и съ сапогами на палкѣ, босой, пробрался пѣшкомъ до Слонима. Подходя къ нему, меня тревожила мысль, гдѣ преклонить голову и какъ добиться поступленія на службу. На счастье встрѣчаю знакомаго уланскаго офицера, изъ курляндцевъ. Узнавъ меня, онъ былъ пораженъ видомъ обтрепавшагося въ дорогѣ студента, ищущаго пріюта. По его указанію, на другой день, я отправился къ Эссену. Старикъ принялъ меня, сидя въ бѣломъ халатѣ передъ зеркаломъ; камердинеръ завивалъ ему парикъ. Таковъ былъ 70 лѣтній начальникъ авангарда! Спросивъ мою фамилію и откуда я, онъ сказалъ:

— «Хотя я могъ бы теперь отмстить твоей матери, за то что она отказала мнѣ, когда я сватался ее, но принимаю тебя. Приходи сегодня обѣдать».

Въ поношеномъ сюртучишкѣ, явился я въ назначенный часъ и, войдя въ столовую, очутился въ большомъ обществѣ. Къ обѣду были приглашены всѣ командиры полковъ, входившихъ въ составъ авангарда. Между ними особенно выдавался князь Васильчиковъ, впослѣдствіи предсѣдатель государственнаго совѣта, въ 1840-хъ годахъ. Помѣстившись на дальнемъ концѣ стола, возлѣ адъютанта изъ остзейцевъ, я сидѣлъ какъ на иголкахъ, но ѣлъ преисправно, потому что отъ самой Ковно питался булкою и двумя кружками пива въ день. Въ серединѣ обѣда Эссенъ обратился къ присутствовавшимъ съ словами:

— Не хочетъ-ли кто изъ васъ, господа, взять къ себѣ вотъ этого рекрута?—и указалъ на меня.

— Дайте его мнѣ—отвѣчалъ Васильчиковъ.

— Нѣтъ; ваши гусары споятъ его, да ему и не по карману;—а затѣмъ, обратясь къ адъютанту, спросилъ:

— Кто у насъ въ передовомъ отрядѣ?

— Калужскій полкъ,—было отвѣтомъ.

— Ну такъ туда и зачислить его,—рѣшилъ старикъ.

Покуда меня обмундировывали, не помню при какой пѣхотной части, я былъ приглашенъ землякомъ-уланомъ жить у него и отъ нечего дѣлать, всякій день, ходилъ въ штабъ отряда помогать писарямъ переписывать бумаги. Вскорѣ штабные замѣтили, что я недурно черчу, доложили Эссену, что было бы полезно удержать меня при штабѣ; онъ согласился и такимъ образомъ, хотя первый надѣтый мною мундиръ былъ калужскій, но долго потомъ мнѣ не довелось видѣть моего полка.

Вскорѣ убѣдились, что Екатерининскій генералъ, съ завитымъ парикомъ, едва имѣвшій силу сидѣть на конѣ, не можетъ быть начальникомъ авангарда. Эссена смѣнили; но чтобы не обижать старика, его назначили генералъ-губернаторомъ Риги. Представьте себѣ мое огорченіе, когда я узналъ, что онъ беретъ меня съ собою. Это было въ началѣ 1812-го года и никому тогда не приходило въ голову, чтобы военныя дѣйствія коснулись Риги. Между тѣмъ, не знаю за какія отличія, а можетъ быть и просто по недостатку офицеровъ, въ началѣ іюня я былъ произведенъ въ прапорщики калужскаго полка. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ непріятельскій отрядъ, подъ начальствомъ прусскаго генерала (кажется Граверта) подошелъ къ Двинѣ и расположился лагеремъ верстахъ въ 12-ти выше города. Не знаю по чьимъ соображеніямъ, но конечно не по иниціативѣ генералъ-губернатора, составилось предположеніе атаковать Граверта одновременно съ фронта и съ фланга, со стороны рѣки. Для этого нужно было отыскать бродъ, существовавшій, по словамъ мѣстныхъ жителей, у непріятельскаго лагеря. Порученіе это возложили на меня, какъ знающаго латышскій языкъ. Переодѣтый чухонцемъ, три ночи бродилъ я съ проводникомъ вдоль праваго берега Двины, покуда удалось перейти рѣку у самаго лагеря и убѣдиться въ полной безпечности непріятеля. Въ ночь, назначенную для подхода къ его позиціи, мнѣ было приказано, по отысканному мною броду, провести два баталіона и на разсвѣтѣ, какъ только услышу выстрѣлы съ фронта, броситься на лагерь. Съ замираніемъ сердца, спустился я, въ головѣ колонны, въ воду. Страхъ, что я могу завести отрядъ въ глубину и погубить его, вмѣстѣ съ опасеніемъ, что насъ могутъ замѣтить, овладѣлъ мною. Больше всего злила меня лошадь ѣхавшаго за мною маіора, пробо-

вавшая ржать; я велѣлъ затянуть ей морду поводьями. Къ счастію, время движенія было разсчитано чрезвычайно удачно. Первый пушечный выстрѣлъ наступавшихъ съ фронта раздался въ то время, когда мы поднимались къ лагерю. Безпечность въ немъ простиралась до того, что ближайшіе часовые были заколоты прежде, чѣмъ успѣли выстрѣлить. Съ крикомъ «ура!» бросились два баталіона на палатки.

Въ Ригѣ всѣ знали о предпринятомъ нападеніи и считали, что отъ его исхода зависила участь города. Съ ранняго утра народъ толпами валилъ за заставу, чтобы узнать о результатѣ. Всѣ колокольни, всѣ крыши были покрыты зрителями, слѣдившими за направленіемъ пушечнаго дыма. Какъ только я убѣдился въ побѣдѣ, то понесся къ Ригѣ доложить Эссену объ успѣхѣ аттаки. Я встрѣтилъ его въ трехъ верстахъ отъ заставы, въ великолѣпной коляскѣ, запряженной шестерикомъ.

Разспросивъ меня о происходившемъ, онъ велѣлъ подать дорожный портфель и, не выходя изъ экипажа, принялся писать. Отдавая мнѣ запечатанный конвертъ, генералъ-губернаторъ сказалъ:

— Поѣзжай въ Петербургъ и лично вручи это письмо государю.

Чтобы городская публика не задержала меня разспросами, мнѣ было приказано прямо ѣхать на почту. Не смотря на то, что фельдъегерская тройка въ карьеръ несла меня по улицамъ, я не избѣжалъ овацій: крики «ура! побѣда!» маханье платками, провожали меня по всему городу.

День и ночь летѣлъ я въ Петербургъ. У нарвской заставы ко мнѣ приставили двухъ казаковъ для конвоированія до дома генералъ-губернатора, которымъ былъ тогда почтенный старикъ Вонявитиновъ. Дежурный адъютантъ хотѣлъ взять отъ меня пакетъ, но я не отдалъ, говоря, что мнѣ приказано лично вручить его государю. То же самое пришлось повторить и Вонявитинову.

— Ну, мой любезнѣйшій, сказалъ онъ, въ такомъ случаѣ тебѣ придется подождать государя; онъ теперь въ Финляндіи и возвратится дня черезъ два. А такъ какъ въ городѣ распускаютъ разные нелѣпые слухи объ арміи, то мнѣ приказано всѣхъ присылаемыхъ изъ нея не выпускать никуда, до обратнаго отправленія. Поэтому и тебѣ нужно оставаться въ этомъ домѣ до возвращенія императора. Адъютантъ укажетъ тебѣ особую комнату.

Сильно не понравилось мнѣ это любезное арестованіе.

— Помилуйте, отвѣчалъ я, за что же мнѣ быть въ заперти, когда я привезъ извѣстіе о побѣдѣ и мнѣ приказано доставить донесеніе немедленно.

— Какъ о побѣдѣ! вскрикнулъ удивленный Вонявитиновъ. Это

первая радостная вѣсть. Я даже боялся спросить о Ригѣ, думая не взята-ли она. Въ такомъ случаѣ не удерживаю. Поѣзжай скорѣй въ Финляндію. Ты вѣроятно застанешь еще государя въ Гельсингфорсѣ.

Вышло иначе. Государь возвращался сутками раньше. На второй станціи отъ Выборга, я встрѣтилъ передоваго фельдъегеря. Онъ объявилъ, что его величество въ нѣсколькихъ верстахъ за нимъ и совѣтывалъ мнѣ лучше дожидать на станціи. Черезъ нѣсколько минутъ коляска императора остановилась у крыльца. Онъ вышелъ изъ нея вмѣстѣ съ княземъ П. М. Волконскимъ. Послѣдній, проходя мимо меня, спросилъ: вы откуда? и какъ только услышалъ, что изъ Риги, отъ Эссена, то вырвавъ у меня пакетъ, пошелъ за государемъ, въ комнату налѣво. Между тѣмъ подлетѣли другіе экипажи и я моментально былъ затертъ лицами свиты, вмѣстѣ съ которою, самъ не знаю какъ, очутился въ комнатѣ, изъ сѣней на право, гдѣ и прижался у окна. Никто не обращалъ на меня вниманія. Черезъ отворенныя изъ сѣней двери обѣихъ комнатъ было видно, какъ государь, сидя у стола, внимательно читалъ письмо Эссена, при чемъ два раза перекрестился. Затѣмъ князь Волконскій, войдя въ комнату, гдѣ была свита, громко сказалъ: «прапорщикъ Бергъ къ Государю!» Я пошелъ за нимъ; его величество, увидя мою совершенно статскую фигуру, улыбнулся и говоритъ:

— «Эссенъ пишетъ, что вы вели обходную колонну и можете передать подробности дѣла».

— Могу, ваше величество, отвѣчалъ я.

По моему выговору, вѣроятно, было замѣтно, что я плохо говорю по русски, такъ какъ государь спросилъ:

— «Какъ вамъ легче объясняться, по французски, или по нѣмецки?»

Смекнувъ, что толковое объясненіе на нѣмецкомъ языкѣ не будетъ вмѣнено нѣмцу въ достоинство, я отвѣтилъ, что мнѣ удобнѣе говорить по французски.

— «Вотъ какъ! замѣтилъ государь, ну такъ разсказывайте».

— Дайте мнѣ карандашъ и бумагу,—обратился я къ Волконскому.

Его передернуло, но всетаки онъ подалъ мнѣ то и другое.

Набрасывая кроки мѣстности, я въ то же время объяснялъ ходъ боя и когда кончилъ, то государь сказалъ:

— «Хорошо, ступайте!»

Уходя на прежнее мѣсто, къ окну правой комнаты, я ясно слышалъ обращенныя къ Волконскому слова его величества:

— «Бойкій юноша, изъ него будетъ толкъ. Перевести его за отличіе въ литовскій полкъ».

Кто-то изъ стоявшихъ возлѣ меня лицъ свиты, полагая, что я

понимаю, что такое литовскій полкъ и гдѣ онъ, обратился ко мнѣ съ словами:

— Поздравляю васъ, прапорщикъ, гвардейскимъ офицеромъ.

— Какъ гвардейскимъ! почти закричалъ я, я не хочу въ гвардію, она всегда въ резервѣ, а я желаю быть въ дѣлахъ. Для того я и бросилъ университетъ, чтобы служить въ авангардахъ.

Всѣ засмѣялись и было слышно, какъ государь, улыбаясь, говорилъ Волконскому:

— «Слышишь, отказывается! спроси его чего онъ желаетъ?»

Волконскій, съ досадой на лицѣ, подошелъ ко мнѣ съ словами:

— Какъ вы смѣете отказываться отъ гвардейскаго мундира! Это дерзость! Извольте же говорить, чего вы хотите?

— Хочу въ колоновожатые, было моимъ отвѣтомъ.

Если бы въ ту минуту я понималъ, что колоновожатые, какъ офицеры генеральнаго штаба, состоятъ въ вѣдѣніи Волконскаго, то конечно не посмѣлъ бы высказать такъ просто и откровенно моего желанія.

Вновь возвратясь изъ комнаты, гдѣ былъ государь, князь продолжалъ:

— Извольте, вы будете зачислены въ колоновожатые. Черезъ три дня явитесь ко мнѣ для отправленія въ Петрозаводскъ, гдѣ вы будете состоять при генералѣ, формирующемъ резервы.

Какъ ни былъ я неопытенъ, все-таки понялъ, что Петрозаводскъ не Вильна и что меня наказываютъ за мою смѣлость. Но объясняться было некогда, такъ какъ государь выходилъ уже, чтобы сѣсть въ коляску. Все кинулось за нимъ и я остался на крыльцѣ одинъ, ошеломленный, не зная, что дѣлать.

Возвратясь въ Петербургъ, являюсь прямо къ генералъ-губернатору и, со слезами на глазахъ, умоляю его помочь моему горю. Старикъ съ участіемъ отнесся къ моему положенію.

— Скверно, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ,—очень плохо! Волконскій не проститъ вамъ, что помимо его желанія попали въ генеральный штабъ; не нюхать вамъ пороха во всю войну!

Я заплакалъ.

— Вотъ какъ я могу помочь вамъ,—продолжалъ Вязмитиновъ.— Такъ какъ я не получалъ еще отъ Волконскаго увѣдомленія объ отправленіи васъ въ Петрозаводскъ, то вы мнѣ ничего объ этомъ не говорили. Понимаете? Но я имѣю повелѣніе не задерживать курьеровъ изъ арміи и немедленно возвращать ихъ, какъ только будутъ экстренныя депеши. Приготовьтесь; черезъ часъ вы отправитесь къ Барклай-де-Толли.

Я едва не бросился Вязмитинову на шею, какъ къ моему спасителю. Черезъ часъ я уже летѣлъ по смоленскому тракту, а Волконскій, при суетѣ того времени, вѣроятно и забылъ о мнѣ.

Спустя три года, я возвратился изъ Парижа, въ чинѣ капитана генеральнаго штаба, но затѣмъ долго не имѣлъ повышеній. До генеральскаго чина Волконскій не только никогда не говорилъ со мною, но даже не замѣчалъ меня. Только послѣ аральской экспедиціи, когда я являлся ему, онъ принялъ меня довольно ласково, и съ тѣхъ поръ, не могу жаловаться, князь сдѣлался внимателенъ къ моей службѣ.

Вотъ вамъ разсказъ о томъ, почему я нѣсколько минутъ могъ считаться офицеромъ Литовскаго полка и почему теперь (въ 1865 г.) Государю угодно было пожаловать мнѣ мундиръ этого полка».

Приведенный разсказъ графа Берга происходилъ во время поѣздки его со мною изъ Эйдкунева на прусскій конскій заводъ, находящійся въ 70 верстахъ отъ этого города. Это было вызвано случайностью. При поѣздкахъ Государя Александра II заграницу, во время происходившихъ въ Польшѣ безпорядковъ, и при возвращеніи его, обыкновенно посылали изъ Варшавы въ Эйдкуненъ или въ Ландворово роту одного изъ полковъ 3 й гвардейской дивизіи. Рота эта сопровождала намѣстника до Эйдкунена и потомъ конвоировала царскій поѣздъ до Ландворова. Такъ было и въ іюлѣ мѣсяцѣ 1865 года. По прибытіи въ Вержболово, мы узнали, что возвращеніе Его Величества отложено, а потому графу Бергу пришлось пробыть тамъ три дня. Чтобы чѣмъ либо развлечь себя, онъ придумалъ поѣздку на конскій заводъ, пригласивъ и меня съ собою.

II.

Кто долго служилъ при графѣ Бергѣ, тотъ долженъ былъ убѣдиться, что если покойный фельдмаршалъ замѣчалъ человѣка способнаго, то, подъ видомъ особеннаго къ нему вниманія, заваливалъ его работою и порученіями, не относящимися къ его прямымъ обязанностямъ. Въ подобномъ случаѣ намѣстникъ не стѣснялся отдавать избранному видимое предпочтеніе даже передъ старшими его начальниками, что нерѣдко ставило временно ласкаемаго въ неловкое положеніе и надѣляло его завистниками. На всякаго работавшаго для него Бергъ смотрѣлъ какъ на матеріалъ, какъ на силу, которую стоило беречь, покуда эта сила пригодна для его цѣли. Подчинен-

ный дѣлецъ былъ въ его глазахъ нѣчто въ родѣ лимона, годнаго только до тѣхъ поръ, покуда изъ него не выжатъ сокъ; разъ же это сдѣлано, лимонъ слѣдуетъ бросить. Подъ давленіемъ подобнаго взгляда, много лицъ, несомнѣнно полезныхъ для русскаго дѣла въ Польшѣ, было удалено только потому, что они твердо стояли за это дѣло и не мѣняли своихъ убѣжденій въ угоду графу. Бездарныхъ и мало къ чему способныхъ онъ оставлялъ въ покоѣ и даже награждалъ за покорность тому направленію мѣстной политики, которая очень часто мѣнялась начальникомъ края. Были и такіе примѣры, что личности, уличенной въ явномъ переходѣ къ партіи, не симпатизировавшей его направленію, онъ продолжалъ покровительствовать, потому что опасался подобной личности, или для того, чтобы говорили, что онъ платитъ добромъ за зло.

Для доказательства того, какъ быстро мѣнялась система управленія послѣдняго намѣстника въ Царствѣ, коснемся того времени, когда графъ Бергъ вступилъ въ эту должность, и прослѣдимъ за первыми тремя годами ея направленія, сохраняя при этомъ полное безпристрастіе и излагая одни факты.

Назначеніе графа Берга, въ маргѣ 1863 года, помощникомъ главнокомандующаго и намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, было принято войсками сочувственно. Сочувствіе происходило не оттого, чтобы войска знали графа, но оттого, что его назначеніе избавляло ихъ отъ другаго кандидата на ту же должность, графа Сумарокова, котораго молва сулила Варшавѣ. Сумароковъ писалъ коменданту князю Бебутову о приготовленіи ему квартиры. Въ войскахъ еще помнили то время, когда онъ временно начальствовалъ ими, при чемъ обнаруживалъ явное расположеніе къ панамъ и шляхтѣ и всегда держалъ ихъ сторону. Кромѣ того, до Варшавы дошли слухи, будто Сумароковъ говорилъ въ Петербургѣ, что для прекращенія возстанія и успокоенія края нужно прежде всего срыть цитадель и уничтожить памятникъ на Саксонской площади, поставленный въ честь «павшихъ за вѣрность своему Государю». И это говорилось въ то время, когда поляки, по ночамъ, нападали на спящія роты и среди дня, изъ-за угла, убивали русскихъ.

Положеніе графа Берга, какъ помощника главнокомандующаго, было вполнѣ пассивное. Присутствуя при докладахъ, онъ ко всему прислушивался, но рѣдко высказывался. Но вотъ фактъ, характеризующій его взглядъ, какъ военнаго. Возвратившійся изъ экспедиціи генералъ докладывалъ намѣстнику о ея результатѣ, въ присутствіи графа Берга и между прочимъ сказалъ, что не могъ продолжать преслѣдованія разбитой банды, потому что имѣлъ предписаніе своего

начальника, барона Корфа, возвратиться въ Варшаву къ назначенному дню католическаго праздника Божьяго Тѣла. Графъ Бергъ, отозвавъ генерала въ сторону, сказалъ ему:

— Знаете-ли, генералъ, я вамъ совѣтую никогда въ военное время не руководствоваться тѣми предписаніями, которыя пишутся не на бивакѣ, а въ штабѣ. Какъ бы ни казались онѣ умными въ кабинетѣ, въ полѣ очень часто выходятъ глупыми. Въ 1825 году я былъ начальникомъ экспедиціи къ Аральскому морю. Мнѣ надавали въ Оренбургѣ массу инструкцій и предписаній. Но когда въ степи оказалось, что ни одного изъ нихъ нельзя исполнить, не нарушая здраваго смысла, то я ихъ спряталъ въ чемоданъ и сталъ дѣйствовать по личному усмотрѣнію, соображаясь съ обстоятельствами. По возвращеніи изъ экспедиціи я былъ произведенъ за отличіе въ слѣдующій чинъ.

Кто-то разъ спросилъ графа, почему онъ, при громадности своихъ занятій, не проситъ себѣ помощника? Онъ отвѣтилъ:

— Какъ бы вамъ ни было трудно, никогда не просите себѣ помощника. Назначеніе помощника равносильно приказанію укладывать чемоданы.

Отъѣздъ великаго князя Константина Николаевича изъ Варшавы совершился въ то время, когда поляки, видя невозможность бороться бандами, перемѣнили способъ своихъ дѣйствій. Ихъ революціонная дѣятельность приняла характеръ убійствъ изъ-за угла, совершаемыхъ организованною партіею кинжалистовъ и жандармовъ-вѣшателей. Докторъ Мессершмидтъ раненъ на Маршалковской улицѣ; возлѣ университета убитъ полиціантъ, другой раненъ на Медовой, а на Краковскомъ предмѣстьѣ полковникъ К....; иностранецъ Германъ заколотъ въ Европейской гостинницѣ; на генерала Тренова сдѣлано нападеніе возлѣ управленія оберъ-полиціймейстера. Наконецъ, 7-го сентября, графъ Бергъ на себѣ испыталъ новую систему поляковъ продолжать возстаніе. Покушеніе на него, сдѣланное изъ дома Замойскаго, изображено кистью художника Шарльмана на картинѣ, поднесенной графу военнымъ обществомъ. Эта картина не вполнѣ вѣрна истинѣ.

При взрывѣ первыхъ брошенныхъ бомбъ, графъ, сидѣвшій въ коляскѣ, вскочилъ и схватился рукою за плечо кучера, останавливавшаго испугавшихся лошадей, а сидѣвшій рядомъ адъютантъ выскочилъ изъ экипажа и уже тогда получалъ приказаніе взять конвойныхъ и не выпускать никого изъ дома, до прихода войскъ. Художникъ такъ и представилъ эту сцену на эскизѣ, но графъ приказалъ измѣнить. Вышло невѣрно; да и неестественно, чтобы кто либо, при всей своей личной храбрости, во время неожиданныхъ вокругъ его

взрывовъ, не приподнялся въ экипажѣ, а оставался бы въ позѣ человѣка, катающагося по улицѣ. Истина нисколько не уменьшила бы вѣры въ извѣстную личную храбрость графа, доказанную Остроленкой и Волей.

Послѣ этого событія, Бергъ круто измѣнилъ систему дѣйствій противъ мятежниковъ. Всѣ пойманные и уличенные въ намѣреніи совершить убійство были одновременно повѣшаны, въ числѣ 7-хъ, на различныхъ площадяхъ Варшавы; въ слѣдственныхъ и военно-судныхъ коммисіяхъ энергически принялись за раскрытіе преступленій; начальникамъ военныхъ отдѣловъ въ губерніяхъ приказано за малѣйшее нарушеніе правилъ военнаго положенія накладывать чувствительные денежные штрафы. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ мѣръ было то, что къ ноябрю 1865 года уличныя убійства прекратились, бандъ больше не было, исчезли жандармы-вѣшатели и все, по крайней мѣрѣ по наружности, приняло покорный властямъ порядокъ.

Но подобная энергія намѣстника, по преслѣдованію виновныхъ и по возстановленію русскаго вліянія, продолжалась не долго. Въ половинѣ 1866 г. уже начало замѣчаться ослабленіе необходимыхъ мѣръ и переходъ на польскую сторону. Графъ Замойскій, по ходатайству намѣстника, возвращенъ изъ ссылки; помѣщикъ Родванъ, терзавшій крестьянъ за то, что они были проводниками войскъ, приговоренный судомъ къ смертной казни, водворенъ въ своемъ имѣніи, подъ надзоръ полиціи. Князь Черкасскій предварялъ начальниковъ отдѣловъ, что намѣстникъ недоволенъ ими, за то, что они строги съ ксендзами, хотя эта строгость была основана на утвержденной всего годъ назадъ инструкціи. Вскорѣ сдѣлалось яснымъ, что мѣстная политика обращается въ двуличную. Поляки тотчасъ смекнули это. Они начали давать обѣды въ честь намѣстника и графъ принималъ приглашенія, несмотря на то, что кромѣ его съ адъютантомъ и двухъ-трехъ полу-польскихъ генераловъ, никто изъ русскихъ приглашаемъ не былъ. Русское общество очень хорошо сознавало, что это дѣлалось для того, чтобы написать въ Петербургъ, что примиреніе совершилось и все обстоитъ благополучно. Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить напримѣръ устройство, президентомъ города г. Витковскимъ, бала наканунѣ новаго года и разыгранной на этомъ балѣ комедіи. Происшествіе это заслуживаетъ подробнаго описанія.

Изъ подожженной поляками ратуши, осенью президентъ переселился въ великолѣпный намѣстниковскій палацъ, гдѣ для охраны его помѣщены были двѣ роты, отданныя въ полное распоряженіе Витковскаго. За три дня до бала разнеслась молва, что палацъ будетъ сожженъ, а потому мало кто вѣрилъ, чтобы затея Витковскаго

осуществилась, но все таки въ русскомъ обществѣ было условлено непремѣнно быть на балѣ и тѣмъ доказать, что оно не боится ни угрозъ, ни стращаній.

31-го декабря, съ утра, палацъ окружили полиціантами и несмотря на это, въ сумерки, были подожжены деревянныя лѣстницы флигелей, но благодаря распорядительности нѣсколькихъ унтеръ-офицеровъ, поджогъ былъ потушенъ въ самомъ началѣ. Съ 10-ти часовъ залы стали наполняться всевозможнымъ сбродомъ, созваннымъ Витковскимъ изъ мастерскихъ и магазиновъ Варшавы. Вмѣсто пановъ-помѣщиковъ и польскихъ обывателей изъ дворянъ, мы встрѣчали тамъ каретниковъ и сапожниковъ. Вокругъ стѣнъ сидѣли разныя Ривки и Руфки, въ рогатыхъ чепцахъ, поверхъ париковъ и черныхъ засаленныхъ шапочекъ.

Разъ что балъ былъ принятъ намѣстникомъ, немногочисленному русскому обществу, скрѣпя сердце, пришлось поддержать его.....

Долго ждали намѣстника; только около 12-ти часовъ гр. Бергъ вошелъ въ аванзалъ, окруженный небольшою свитою, въ которой были и два флигель-адъютанта. Витковскій встрѣтилъ его сіятельство и поднесъ отъ города адресъ. Въ немъ говорилось, что граждане Варшавы просятъ намѣстника засвидѣтельствовать Государю о ихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ и вслѣдъ затѣмъ сказалъ рѣчь на польскомъ языкѣ. Гр. Бергъ не только допустилъ это, но отвѣчалъ русскому генералу по французски. Интересно и то, что президента и намѣстника, во время ихъ рѣчей, окружали человѣкъ 40 видныхъ молодыхъ людей, однообразно одѣтыхъ въ черные фраки и бѣлые галстуки. Эти мнимые паны низко кланялись при всякомъ поклонѣ президента и видимо ни слова не понимали изъ того, что говорилъ онъ. Оказалось, что это были переодѣтые полиціанты. Обойдя залы, намѣстникъ уѣхалъ.

Комедія кончилась ужиномъ, во время котораго, собранная Витковскимъ публика, въ благодарность за то, что онъ кормитъ ее, при крикахъ «кохаемся» (да любимъ другъ друга) провозглашала тосты за русскихъ. На другой день, молодаго русскаго чиновника, за то что онъ отказался брататься съ подошедшимъ къ нему подпившимъ мастеровымъ-полякомъ, гр. Бергъ приказалъ выслать изъ Варшавы.

Вообще по части баловъ какъ-то не счастливилось гр. Бергу. При возвращеніи Государя въ 1867 году, съ парижской выставки, русское общество давало ему балъ въ своемъ клубѣ. Намѣстнику вновь захотѣлось показать, что поляки измѣнились, что всякая вражда ихъ къ русскимъ исчезла и что они составляютъ съ нами одно общество, одинаково преданное своему Государю. Съ этою цѣлью графъ

выразилъ желаніе, чтобы на балъ было приглашено до 100 польскихъ семействъ. Старшины клуба заявили, что они не могутъ взять на себя приглашеніе, потому что вовсе не знаютъ лицъ, помѣщенныхъ намѣстникомъ въ присланный имъ списокъ, а приглашать незнакомыхъ считаютъ неудобнымъ. Графъ разсердился. Разными путями хотѣлъ онъ склонить старшинъ и вліятельныхъ членовъ клуба согласиться на его предложеніе. Для этого онъ требовалъ ихъ поодиночкѣ къ себѣ, уговаривалъ, убѣждалъ, но достигъ лишь того, что на созванномъ экстренномъ собраніи старшинъ, было рѣшено: послать намѣстнику не сто, а 40 чистыхъ билетовъ, съ тѣмъ, чтобы онъ самъ адресовалъ и разослалъ ихъ кому желаетъ.

Не смотря на столь явный протестъ, приглашеніе состоялось. Нѣкоторые изъ званныхъ явились, въ томъ числѣ и извѣстная графиня Потоцкая, во всѣмъ имъ пришлось быть не совсѣмъ въ пріятномъ положеніи, такъ какъ никто изъ старшинъ и хозяевъ бала не занимался ими. Государь, вскорѣ по прибытіи, совершенно случайно узналъ, что все доложенное ему о прекращеніи вражды поляковъ къ русскимъ несправедливо. Раскрылось это слѣдующимъ образомъ.

Увидя одну изъ лично извѣстныхъ ему русскихъ дамъ, его величество, подходя къ ней, сказалъ:

— «Мнѣ пріятно возобновить наше знакомство; я помню нашу первую встрѣчу, нѣсколько лѣтъ назадъ, на балѣ во Псковѣ».

— Весьма счастлива, Государь, что вамъ угодно было вспомнить объ этомъ.

— «Вы не живете въ Варшавѣ; скажите, какъ же вы проводите время въ провинціальномъ городѣ?»

— Сколько возможно стараемся разнообразить его въ кругу нашей военной семьи.

— «Но, вѣроятно, теперь вы уже познакомились съ польскими помѣщиками, бываете у нихъ и они у васъ?» спросилъ Государь.

— Нѣтъ, Ваше Величество! Это для насъ, несмотря на всѣ попытки, рѣшительно невозможно,—отвѣчала дама.

— «Почему же? Мнѣ доложено, что все отдѣлявшее русское общество отъ польскаго кончилось и что поляки видимо ищутъ сліянія».

— Это не вѣрно, Государь, и вотъ доказательство,—продолжала дама. Въ нашемъ городѣ существуетъ клубъ. Было рѣшено встрѣтить новый годъ вмѣстѣ, на балѣ, къ участію въ которомъ были приглашены и польскія дамы, но ни одна не пріѣхала.

— «Однако я вижу здѣсь нѣсколько извѣстныхъ польскихъ фамилій,—замѣтилъ Государь».

— Онѣ не заявляли желанія быть здѣсь, Ваше Величество, а приглашены намѣстникомъ.

— «Это другое дѣло; теперь я понимаю это примиреніе, — было отвѣтомъ Государя».

Затѣмъ разговоръ перешелъ на другое.

Желаніе выставить все въ благопріятномъ для поляковъ видѣ и скрыть дѣйствительное ихъ настроеніе доходило до того, что графъ часто увѣрялъ очевидцевъ въ противномъ тому, что происходило передъ ихъ глазами.

III.

Въ 1870 году, въ концѣ іюня, Государя ожидали въ Варшаву, по случаю открытія памятника фельдмаршалу Паскевичу. Все тотъ же Витковскій подбилъ графа Берга просить Его Величество принять балъ отъ жителей Варшавы. Сначала послѣдовало соизволеніе на принятіе бала. Между тѣмъ всѣ мало-мальски вліятельныя польскія фамиліи, заслыша о подпискѣ на балъ, поспѣшили уѣхать въ свои помѣстья. Другіе были до того дерзки, что вмѣстѣ съ прошеніемъ объ увольненіи за-границу, присылали, кто 5, кто 10 руб., для включенія ихъ въ число подписавшихся на балъ, отъ котораго уѣзжали. Чтобы какъ нибудь собрать необходимую сумму, Витковскій допустилъ къ подпискѣ всѣ сословія и въ ратушу толпами повалили евреи и ремесленники, внося по злотому (15 коп.). Подобная вещь не могла не оскорбить русское общество, что сдѣлалось извѣстнымъ въ Эмсѣ, равно какъ и то, что для встрѣчи Государя строится на Іерусалимской аллеѣ тріумфальная арка. Черезъ нѣсколько дней получена была депеша, что Его Величество не принимаетъ бала и не желаетъ видѣть арку, а вслѣдъ за этимъ возвратился изъ Эмса офицеръ, посланный туда за приказаніями относительно предстоявшихъ смотровъ и маневровъ.

— Ну что говорятъ въ Эмсѣ? спросилъ графъ возвратившагося.

— Больше все разспрашивали, ваше сіятельство, о готовящемся балѣ и о постройкѣ тріумфальной арки,—отвѣчалъ командированный.

— Какой арки?—воскликнулъ Бергъ.—О какой аркѣ вы говорите? Все это сплетни, никакой арки не было и не будетъ!

Дѣйствительно, недостроенная арка была сломана въ одну ночь по полученіи депеши; но какъ же увѣрять, что ея не было, того, кто вмѣстѣ съ графомъ не разъ проѣзжалъ тамъ, гдѣ она строилась.

Во время рѣдко даваемыхъ обѣдовъ и еще болѣе рѣдкихъ баловъ,

равно какъ и при оффиціальныхъ пріемахъ, намѣстникъ оказывалъ потомъ особенное вниманіе къ полякамъ, въ явный ущербъ того, что слѣдовало бы оказывать многимъ заслуженнымъ русскимъ. Приведу для примѣра эпизодъ, случившійся съ генералъ-адъютантомъ Паткулемъ. На большомъ обѣдѣ въ замкѣ его посадили ниже какого-то неимѣющаго чина поляка. Паткуля это взбѣсило; онъ подозвалъ къ себѣ распоряжавшагося размѣщеніемъ приглашенныхъ адъютанта и громко сказалъ ему:

— Доложите намѣстнику, что вы не имѣете понятія о приличіи. Какъ вы могли, въ день имянинъ Государя, посадить его генералъ-адъютанта ниже этой польской обезьяны.

Сряду послѣ обѣда, съ тѣмъ же Паткулемъ произошелъ такой случай. Бельгійскій консулъ, богатый еврей Лессеръ, онъ же и содержатель посуднаго магазина на Банковой площади, обратился къ князю Черкасскому съ просьбою познакомить его съ Паткулемъ.

— Напрасно трудитесь, князь, представлять его, я уже покупалъ у этого господина кострюли,—отвѣтилъ раздраженный передъ обѣдомъ Паткуль.

Съ 1868 года потворство полякамъ дошло до того, что многіе изъ полезныхъ русскихъ дѣятелей, вслѣдствіе невозможности бороться съ интригами, гнѣздившимися въ замкѣ, оставили Варшаву. Во всѣхъ вѣдомствахъ обнаруживались продѣлки, клонившіяся къ явному ущербу казны и русскихъ интересовъ. Ложные доносы, сплетни, іезуитскія продѣлки ксендзовъ,— все это начало снова практиковаться въ видѣ заслуги передъ «отчизной». Особенно отличалось этимъ почтовое вѣдомство, управляющій которымъ, Фетистовъ, въ 1869 году, открылъ правильно организованную шайку мелкихъ чиновниковъ, вскрывавшихъ и прочитывавшихъ секретныя бумаги и частныя письма русскихъ, выписки изъ которыхъ, невѣдомымъ путемъ, попадали то въ замокъ, то въ заграничныя газеты. Все это подтвердилось разслѣдованіемъ; но когда Фетистовъ настаивалъ о преданіи виновныхъ суду, то намѣстникъ ограничился переводомъ ихъ въ другіе города, а Фетистову было предложено перейти на службу въ Россію.

Подобная система управленія только что усмиреннымъ краемъ тѣмъ болѣе бросалась въ глаза, что рядомъ въ Литвѣ не было и тѣни послабленій. Не смотря на это, число подвергшихся смертной казни, по конфирмаціямъ Муравьева, было меньше, чѣмъ въ Польшѣ. Приведемъ случай, лучше всего проводящій параллель между двумя дѣятелями западныхъ окраинъ.

Выше было упомянуто о проѣздѣ въ 1864 г. Государя изъ за границы черезъ Вержболово, куда выѣзжалъ для встрѣчи его вели-

чества графъ Бергъ, съ ротою почетнаго караула. Государю угодно было приказать ему и пишущему эти воспоминанія ѣхать съ царскимъ поѣздомъ въ Вильно, для присутствія на смотру. Это обстоятельство доставило намъ случай видѣть тамъ Берга и Муравьева вмѣстѣ. По пріѣздѣ въ Вильно, болѣе всего поражало полное невниманіе къ намѣстнику Царства. Не смотря на то, что о его пріѣздѣ въ одномъ поѣздѣ съ Государемъ было телеграфировано впередъ, никто не позаботился ни объ экипажѣ для него, ни о его квартирѣ. Если бы то и другое не было предложено ему однимъ изъ знакомыхъ генераловъ, то намѣстнику Царства пришлось бы ночевать въ вокзалѣ, куда прибыли около полуночи.

На другой день, въ 7 часовъ утра, мы отправились во дворецъ, прямо на половину Государя. Въ пріемной комнатѣ находилось нѣсколько лицъ свиты и прусскій военный агентъ генералъ Лоонъ. Вошедшій вслѣдъ за нами Муравьевъ, взявъ графа Берга подъ руку, провелъ его въ слѣдующій залъ. Намъ было видно, какъ они тамъ очень дружески о чемъ то толковали.

— Посмотрите, сказалъ Лоонъ, обращаясь ко мнѣ,—какъ они воркуютъ точно голубки, а между тѣмъ кому же неизвѣстно, что они ненавидятъ другъ друга.

Мнѣ показалось досаднымъ такое замѣчаніе иностранца и я отвѣтилъ:

— Это случается, генералъ, не только между отдѣльными лицами, но и между цѣлыми націями.

По окончаніи смотра, въ 10 часовъ утра, Государь былъ уже въ вокзалѣ, чтобы ѣхать далѣе. Громадное сборище военныхъ и гражданскихъ чиновъ стояло передъ царскимъ поѣздомъ. Его величество стоялъ на открытой, имущной платформѣ, а передъ нимъ, на приставной, устланной краснымъ сукномъ, лѣсенкѣ, стояли два его представителя, державшіе въ своихъ рукахъ бразды правленія Литвы и Польши. Это были низенькій и толстый Муравьевъ и высокій, сухой Бергъ. Передъ отходомъ поѣзда Муравьевъ мигнулъ стоявшему вдали полковнику; тотъ какъ пуля очутился возлѣ него, и получилъ такое приказаніе:

— Велите приготовить компату, я буду здѣсь завтракать съ графомъ Бергомъ.

По отъѣздѣ Государя, никто не разъѣзжался; на вопросъ, почему всѣ остаются въ вокзалѣ? намъ отвѣчено: какъ же можно уѣхать, когда начальникъ края еще здѣсь?

Черезъ нѣсколько минутъ, ко мнѣ подошелъ полицеймейстеръ, говоря, что начальникъ края проситъ меня съ нимъ завтракать.

Въ небольшой, смежной съ общей залой, комнатѣ, сидѣли: графъ Бергъ, Муравьевъ, его начальникъ штаба, и еще два незнакомыхъ мнѣ лица, помню только, что было шесть. Когда всѣ заняли мѣста, между намѣстникомъ и Муравьевымъ начался слѣдующій разговоръ:

— Такъ-то, графъ, говорилъ Муравьевъ, трогая рукою Берга,—все-таки пришлось взяться за насъ стариковъ, а вѣдь мы Бородино помнимъ.

— Да, правда, правда! отвѣтилъ графъ. Только жаль, что государь приказалъ опять отдѣлить отъ васъ Августовскую губернію къ Царству Польскому. У васъ въ ней все устроено, а мнѣ придется назначать новыхъ уѣздныхъ начальниковъ, передвигать войска.

— И у васъ пойдетъ все какъ слѣдуетъ, да и труда-то тамъ предстоитъ не много, потому что пановъ я поубралъ, осталось человѣкъ 5 или 6, небольше, отвѣтилъ Муравьевъ.

— Ну, а какъ духовенство? спросилъ Бергъ.

Муравьевъ очень хорошо зналъ, что августовскій епископъ, графъ С...., жившій въ Сейнахъ, товарищъ графа Берга, по дерптскому университету, и что они въ постоянной перепискѣ.

— Да духовенство, отвѣчалъ онъ, тоже сидитъ смирно; молодыхъ, т. е. охотниковъ до политическихъ проповѣдей, я повывелъ, остались пожилые, но и имъ конечно вѣрить не слѣдуетъ. Впрочемъ, въ августовской губерніи остался одинъ порядочный плутъ—это сейнскій епископъ. Вообразите какую онъ на дняхъ выкинулъ штуку: пишетъ мнѣ, чтобы я позволилъ ему пріѣхать въ Вильну, лично выразить Государю свои вѣрноподданническія чувства. Каковъ! Мнѣ-то онъ смѣетъ говорить о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ. Я и отвѣтилъ ему надписью на томъ же письмѣ: «Сиди въ Сейнахъ, покуда цѣлъ».

Можно себѣ представить каково было Бергу выслушивать подобное о своемъ пріятелѣ и притворяться равнодушнымъ. Но этимъ не кончилось. Въ перемежку съ любезностями, разговоръ коснулся Варшавы.

— Теперь, Михаилъ Николаевичъ, говорилъ Бергъ, вы должны отдать мнѣ визитъ, пріѣхать въ Варшаву.

— О, непремѣнно, отвѣчалъ Муравьевъ, мнѣ крайне интересно взглянуть на нее. Говорятъ вы тамъ чудеса натворили, украсили городъ и веселите общество.

— Я угостилъ бы васъ прекрасной французской труппой, выписанной на лѣто изъ Парижа.

— Французской? А русская-то есть у васъ?

— Это трудно, — нѣсколько смѣшавшись продолжалъ графъ Бергъ, — хорошихъ русскихъ актеровъ такъ мало; впрочемъ у насъ бываютъ очень удачные спектакли любителей.

— А по-моему,—возразилъ Муравьевъ,—ужъ если выписывать, такъ лучше бы русскихъ. Имъ бы не грѣхъ было заплатить и вдвое, чѣмъ потѣшать поляковъ французами.

Послѣ этого разговоръ видимо не вязался. Желая поддержать его и перевести на другое, графъ началъ такъ:

— Передъ выѣздомъ, я былъ порадованъ фактомъ, доказывающимъ, какіе встрѣчаются въ нашей арміи прекрасные и распорядительные офицеры. Простой армейскій подпоручикъ, въ калишскомъ отдѣлѣ, поймалъ важнаго политическаго преступника, котораго розыскивали болѣе года. Этому офицеру приказано было наблюдать за сосѣднимъ монастыремъ. Гуляя, онъ замѣтилъ, что тамъ трубочистъ всякій день чиститъ одну и ту же трубу. Оказалось, что это переодѣтый монахъ, опускающій на веревкѣ пищу преступнику, скрытому въ кельѣ, дверь въ которую замуравлена. Я представилъ его въ поручики.

— А преступника? спросилъ Муравьевъ.

— Его, конечно, будутъ судить.

— И дѣло затянется, продолжалъ Муравьевъ, а тутъ пойдутъ запросы, просьбы о помилованіи. По-моему, графъ, если человѣкъ несомнѣнно стоитъ веревки, такъ и вздернуть его поскорѣй; оно и короче, и назидательнѣе для подражателей. Но скажите, что же монастырь?

— Монастырь... отвѣчалъ запинаясь Бергъ, что-жъ монастырь... я наложилъ на него большой денежный штрафъ.

— И это напрасно, заключилъ Муравьевъ, я бы приказалъ его сжечь и мусоръ сравнять съ землею.

Всѣ эти пилюли подносились съ приправою всевозможныхъ любезностей, доходившихъ даже до поцѣлуевъ.

Это было послѣднее свиданіе Берга съ М. Н. Муравьевымъ. Когда черезъ три года, сообщили о смерти послѣдняго, то графъ отвѣтилъ: «странно! по моему онъ былъ вовсе не старъ».

Подобное заключеніе о человѣкѣ, которому было болѣе 70 лѣтъ, довольно оригинально; но графъ Бергъ былъ того мнѣнія, что молодыхъ и старыхъ людей нѣтъ, что можно быть старикомъ въ 30 лѣтъ и молодымъ въ 80, а что есть только люди здоровые и больные, способные и неспособные.

Дѣятельность и проворство Берга были изумительны. Съ 7 часовъ утра онъ принималъ доклады по различнымъ отраслямъ управленія краемъ; въ 10 часовъ, принявъ рапорты коменданта и оберъ-полицеймейстера, онъ до полудня занимался съ начальникомъ штаба, потомъ принималъ представляющихся и просителей, затѣмъ засѣдалъ въ окружномъ совѣтѣ, въ учредительномъ комитетѣ, или въ которой либо изъ различныхъ спеціальныхъ коммисій; а съ 3-хъ часовъ до 6 опять шли доклады правителя канцеляріи, начальника жандармскаго управленія или управляющихъ отдѣлами внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, почтоваго вѣдомства и т. д. При этомъ онъ еще находилъ время почти ежедневно своеручно писать Государю, производить смотры, присутствовать на праздникахъ полковъ, объѣзжать городъ и лагери, посѣщать различныя заведенія, принимать и отдавать визиты, изрѣдка обѣдать въ русскомъ клубѣ, появляться на гуляньяхъ, часто бывать въ театрѣ, совершать прогулки верхомъ. Ходилъ онъ такъ быстро, что сопровождавшіе ого, даже молодые люди, едва успѣвали за нимъ.

Если бы побольше правдивости и поменьше эгоизма и сноровокъ, заставлявшихъ его дѣйствовать не такъ, какъ требовали русскіе интересы, а ради желанія угодить тому или другому направленію, то графъ Бергъ могъ бы принести громадную пользу. Обладая быстрымъ, находчивымъ умомъ и необычайною энергіею, имѣя за собою опытность 50-лѣтней, крайне разнообразной дѣятельности, съ задатками замѣчательной силы воли, онъ представлялъ собою одну изъ выдающихся личностей минувшаго царствованія. Нужно принять во вниманіе, что гр. Бергъ вступалъ въ управленіе краемъ среди полной неурядицы, порожденной возстаніемъ, и вскорѣ послѣ такихъ правителей, какими были: обратившійся почти въ дѣтство князь Горчаковъ, больной мечтатель графъ Ламбертъ и безпечный bon-vivant Лидерсъ.

Что касается командованія и управленія войсками, то гр. Бергъ обладалъ всѣми качествами главнокомандующаго. Не вдаваясь въ мелочи, онъ все касающееся военнаго быта понималъ практически, принималъ близко къ сердцу, умѣлъ отличать знаніе и усердіе, зналъ и любилъ солдата и, гдѣ было нужно, энергически отстаивалъ интересы арміи.

Сообщ. П. П. Карцовъ.